Элеонора МАЙКОВА

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ

Исследование посвящено интерпретации автономии как личностного феномена в философском и междисциплинарном дискурсах. В статье раскрываются прикладные коннотации понятия автономии в биоэтической практике, в процессах приятия решений в условиях риска и неопределенности.

The research is devoted to the autonomy's interpretation as a personal phenomenon in philosophical and interdisciplinary discourses. The article discloses applied connotations of the concept of autonomy in bioethical practice and in decision-making in conditions of risk and uncertainty.

Ключевые слова:

личность, автономия, социальные практики адаптации, биоэтическая ситуация; person, autonomy, social practices of adaptation, bioethical situation.

Идеология неолиберализма, взывающая к «предельным степеням» свободы, независимости, автономности человека, к его адаптационной гибкости, изменяет ментальность современного человека. Провоцируя личность к бесконечному выбору, она в конечном итоге порождает проблему принудительного выбора. Все это ведет к тому, что человек становится уязвимым, несвободным, сужаются границы его автономии. Трансформация границ личностного выбора, наблюдаемая в новейших социальных практиках адаптации, также проблематизирует феномен личностной автономии. Осмысление конвергентной связи степени автономности личности и ее адаптивности требует расшифровки возможностей «личностной автономии» в новой биоэтической ситуации, требующей принятия решений в условиях риска и неопределенности[1].

Возрождение интереса к феномену личностной автономии в философском и междисциплинарном дискурсах коренится как в широких объяснительных возможностях понятий «личность» и «автономия», так и в том новом содержании, которым они наполняются в постнеклассических практиках адаптации. Попытки редуцировать понятие «личность» к другим понятиям оказались непродуктивными. Как известно, первой и главной характеристикой личностного начала называют независимость, автономию, свободу от принуждения и давления[2]. Согласно практической философии И. Канта, личность есть «свобода и независимость от механизма всей природы»[3], а автономия – это способность воли самостоятельно устанавливать закон своего действия. И. Кант расширил понятие «автономии» до рационального и душевно-психического смысла, отнес его к пространству личности, к сфере личностных качеств. Такое расширенное толкование И. Кантом автономии стимулировало мыслителей к различению у человека законосообразных детерминаций: биологической, социальной и психической (самодетерминации).

По мнению И. Канта, автономный субъект – это тот, кто решительно и мужественно пользуется собственным рассудком, совер-

МАЙКОВА Элеонора Юрьевна – к.и.н., доцент; заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета maikova@tstu.tver.ru

[1] Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. – М. : Эксмо, 2010, с. 62.

[2] Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988, с. 57.

[3] Кант И. Критика практического разума // Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. – М. : Московский философский фонд, 1997, т. 3, с. 510.

шая тот или иной поступок. Автономия – свойство индивидуального субъекта, стержень человеческой свободы и морали. По Канту, уважение автономии проистекает из признания того, что каждый человек есть безусловная ценность и, следовательно, он в состоянии сам определить собственную судьбу. Каждая личность – самоцель, и она не должна рассматриваться как средство для осуществления каких бы то ни было задач, даже если это задачи всеобщего блага. Свобода предполагает самоопределение, а уважение к свободе означает, что в вопросах, касающихся его жизни, субъект имеет право принимать собственные решения, минимизировать потребности и ограничить контакты с внешним миром в пользу внутреннего. Автономия как акт человеческой свободы обозначает предел личностной ответственности.

Идея личностной автономии супервентна идее человека как целостности, как позитивной идентичности. Целостность – это связанность и полнота жизни, это весь опыт человека (духовный, ментальный, социальный, личностный, психический, телесный, психофизиологический и т.д.), участвующий в порождении личностного начала. Под целостностью понимается сфера самоопределения личности, которая непосредственно связана со свободой субъекта. Согласно И. Канту, человек сохраняет свою уникальность благодаря цельности сознания. Последнее обеспечивает человеку ясное и адекватное представление о его внутреннем личностном ядре, т.е. идентичности. Зрелое, ответственное, аутентичное сознание конституирует феномен социальности. Способность человека к свободе, к самоопределению, личностной автономии, самоуважению, достоинству позволяет ему устоять в собственном личностном статусе, обеспечить личностную идентичность и целостность. Позитивная идентичность, согласно Д.А. Леонтьеву, различается как индикатор ценностно-смысловой регуляции и самодетерминации личности.

Как личностный ресурс, автономия – это рефлексия собственной ситуации выбора, обозначение границ Я, осознание реалий возможного и наличного бытия, способность трансформировать существующие правила и основополагающие принципы, ценности и смыслы. Как механизм саморегуляции, автономия согласует свою интенциональность с опытом Другого, с требованиями среды.

В психологическом дискурсе сегодня распознается личностная автономия как механизм самодетерминации и саморегуляции. Этот механизм реализуется в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как внутренние стремления, так и внешние условия жизни человека. В теории Э. Деси и Р. Райена самодетерминация рассматривается как ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения независимо от внешнего окружения и внутриличностных процессов. Быть автономным – означает быть субъектом, самоинициируемым и саморегулируемым. Количественной мерой автономии является то, в какой степени люди живут в согласии со своим истинным Я[1]. В современном понимании саморегуляция как психологический механизм реализации активности субъекта предполагает активное преобразование мира в соответствии с потребностями субъекта.

Ориентиры индивидуального и социального поведения задаются социальными практиками адаптации. В широком смысле адаптация – это совокупность приспособительных реакций, которым свойственно: иметь целесообразный, целеустремленный характер; согласовывать цели и результаты, структуру, функции и условия среды; повышать защитные качества акторов; придавать динамичность и мобильность; блокировать стрессоры и негативные влияния; инициировать адекватность действия; оптимизировать принятие решений в требуемом темпе при высокой степени ответственности; способствовать достижению высших степеней саморегулирования.

Под социальными практиками адаптации мы понимаем заданную постнеклассическим дискурсом интерпретацию понятия «практика». Она базируется на методологии, предложенной В.С. Степиным при анализе классических, неклассических и постнеклассических форм научной рациональности. Особенность постнеклассических практик – сопряжение, синергийность человека и среды, человека и ситуации. В.В. Кизима, анализируя пост-

[1] Deci E.L., Ryan R.M. The «What» and «Why» of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry, 2000, vol. 11, p. 227–268.

неклассические практики, указывает, что «это саморазвертывающиеся целостные многопричинные (и междисциплинарные) комплексы взаимодействующих людей и сред, в ходе саморазвития которых меняются и люди, и среды, и их отношения, что и создает возможность огромного разнообразия данных практик, их циклов и вариантов их существования, и обостряет проблему управления ими. В постнеклассических практиках нет безответных действий, поскольку каждая часть влияет на себя через целое, и в этой относительности субъект-объектных функций состоит рефлексивность целого и сохранение его постнеклассической идентичности»[1].

Представления об автономии личности в теоретической проекции и в социальной практике не совпадают. В практиках адаптации наблюдается несогласованность и противоречивость представлений об автономии личности. А.В. Петров справедливо полагает, что «в современном демократическом обществе признается право индивида на автономию, более того, соблюдаются определенные правила поведения, соответствующие уважению принципа автономии. Однако эти представления, строго говоря, не имеют правовой основы в связи с тем, что в законодательстве фигурирует термин «свобода», а не «автономия»[2].

В онтологической проекции социальные практики предполагают автономию как способность к самоуправлению. Автономия как способность к самоуправлению зависит от умения делать рациональный выбор[3]. Эта способность понимается как наличное (действительное) состояние самоуправления. В аксиологическом измерении автономия самоценна. Автономия как идеальная особенность состоит из определенного сочетания достоинств. По мнению А.В. Петрова, «ценность автономии как способности и состояния часто объяснялась ссылкой на внутренние ценности. Это показывает, как тесно автономия связана с другими понятиями, такими как честь, достоинство, гордость... Ценности, которые мы ассоциируем с автономией как со способностью и состоянием, тесно связаны с нашим идеальным представлением о том, что значит быть личностью, и нашими взглядами на смысл жизни. Автономия – это уникальное качество человека; одна из способностей, которая отличает человека»[4].

Яркой иллюстрацией трансформации границ автономии личности являются так называемые биоэтические практики адаптации, интерпретируемые как постнеклассический тип практик, как практики принятия решений в условиях риска и неопределенности.

В биоэтической практике принцип уважения автономии человека означает право каждой личности на самоопределение и действие без внешнего контроля, препятствующего реализации разумного выбора. Но вместе с таким нравственным правом субъект не может не нести личную моральную ответственность за самостоятельное решение фундаментальных проблем относительно локуса и вопросов своей жизни. Взаимное уважение коррелирует с соблюдением свободы для себя и другого. Свобода – это внутреннее самополагание и осмысление, что дает право определяться и реализовываться в условиях отсутствия внешнего целеполагания. В биоэтической практике, например, уважение автономии пациента предполагает, что делаемый им выбор, как бы он ни расходился с позицией врача, должен определять дальнейшие врачебные действия. В медицинской практике принцип автономии лежит в основе права пациента на самоопределение. Но проблема принятия решений как личностно обоснованного выбора остается множественной онтологией, неопределенной по субъективным и объективным основаниям реалией.

Можно быть уверенным, что в ближайшее время интерес к проблеме принятия решений на личностном уровне, в социальных практиках адаптации в условиях риска и неопределенности будет возрастать в связи с увеличением множества переменных, которые идентифицируются и распознаются лицом принятия решений.

---

[1] Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии, 2010, № 3, с. 55.

[2] Петров А.В. Автономия личности как право на принятие решений // Вестник ВГУ, сер. Философия, 2009, № 1, с. 178.

[3] Feinberg J. Harm to Self. The Moral Limits to the Clinical Law. – N.Y. : Oxford University Press, 1986, p. 110.

[4] Петров А.В. Указ. соч., с. 178.